

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК VIII

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1960

Доц. Л. Р. КЫЗЛАСОВ

О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВА ДРЕВНИХ ХАКАСОВ В IX—XII вв.

Государство у древних хакасов, живших в Хакасско-Минусинской котловине, возникло в VI веке. Хакасы не представляли тогда собой единого целого в этническом отношении. Они состояли из ряда племен, входивших в одно государство, но еще различающихся между собою и по происхождению и по языку. Основное ядро составляли часть отюреченных к тому времени местных племен и древняя тюркоязычная группа кыргызов, переселившаяся на земли к северу от Саян в период с конца III—до середины I в. до н. э. из Северо-западной Монголии.

Хорошо осведомленные китайские источники, начиная с Тан-шу, все население этого государства называли хакасами, не различая этнографических групп за исключением кыргызов (гяньгунь)¹. Кыргызы были, хотя и немногочисленной, но руководящей этнографической группой среди хакасов. Из их состава выходили беги, возглавлявшие каждое из древнехакасских племен. Кыргызы составляли феодальную верхушку в государстве древних хакасов. Старейшинами, ханами, а затем каганами, в этом государстве были кыргызы, подобно тому как у уйгуров в VII—IX вв. все возглавлявшие (сначала союз племен, а затем и каганат) должностные лица и каганы были выходцами из одного руководящего рода Яглакар (кит. Иологэ)². Аналогично в VI—VIII вв. в восточнотюркских каганатах каганы происходили из одного древнеалтайского племени «тюрк» (кит. тугю).

Поэтому западные источники, а также тюрки-тугю и уйгуры называли часто все население Хакасско-Минусинской котловины кыргызами. Потому же государство древних хакасов современные историки нередко называют государством кыргызов,

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.-Л., 1950, стр. 350—357.

² Там же, стр. 301, 308, 330, 331; ср. Ю. А. Зуев. Киргизская надпись из Суджи. Советское востоковедение, 1958, № 3.

упуская, к сожалению, из вида, что подавляющее большинство населения составляли не кыргызы. Без учета последнего обстоятельства невозможно, однако, изучать конкретную историю кыргызского или, точнее, древнехакасского государства.

В период господства уйгуров в Центральной Азии хакасы вели с уйгурами почти не прекращавшуюся борьбу с переменным успехом. Положение особенно осложнилось в начале IX в., когда кыргызский хан, почувствовав себя достаточно сильным, объявил себя каганом. Реакция на это могла быть одна—в Центральной Азии должен быть лишь один каган. Каган уйгуров Бао-и (808—821 гг.) начал около 820 г. войну с хакасами. Об этом событии сообщается в памятнике, поставленном в честь Бао-и в уйгурской столице Орду-балыке на реке Орхоне (ныне развалины Хара-балгас). В китайском тексте этого памятника говорится, что кыргызы имели более четырехсот тысяч воинов, но что уйгурский «чудесно-воинственный» каган разгромил это войско, убил кыргызского кагана, «коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не (стало) живых людей»³.

В согдийском тексте того же памятника говорится почему-то уже только о двухстах тысячах воинов кыргызского кагана, которых каган уйгуров «разогнал одной рукой во все направления друг от друга и взял его (кыргызского кагана) государство»⁴.

Очевидная похвальба и преувеличения не позволяют доверять текстам этого памятника. И, действительно, Таншу о том же событии сообщает: «Хойхуский хан (уйгурский каган) послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну»⁵.

Таким образом, в стране кыргызов не только остались «живые люди», но и государство их сохранилось, и даже оно имело такие силы, которые позволили ему после двадцатилетней кровопролитной войны ликвидировать уйгурский каганат.

По сообщению Таншу, в этой войне верх одерживали хакасы. Их хан писал даже кагану уйгуров в те годы: «твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед ней моего коня, водружу знамя»⁶.

Древние хакасы в этой борьбе, которая по большей части происходила на территории Тувы—крайнего северо-западного

³ В. П. Васильев. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. Сборник трудов орхонской экспедиции, вып. 3, Спб., 1897, стр. 25.

⁴ O. Hansen. Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun. Journal de la Societe finno-ougrienne, XLIV, 3, Helsingfors, 1930, стр. 19-20.

⁵ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 355.

⁶ Там же.

оплота уйгуров,—выступали, очевидно, не одиноко. Их поддерживали многие племена Южной Сибири и в том числе, вероятно, местные племена Тувы, жаждавшие освободиться от ига уйгурских феодалов. Эти племена издавна имели тесные дружеские связи со своими соседями—древними хакасами.

В 840 г. хакаские войска, воспользовавшись внутренними распрями между уйгурскими феодалами, прорвались в Центральную Азию. Их армия, вместе с войсками восставшего и присоединившегося к хакасам уйгурского полководца Гуйлу Мохэ, составляла, согласно китайских источников, грозную силу в сто тысяч воинов. Уйгурский каган был убит в сражении под столицей своего государства.

Город Орду-балык был разграблен и сожжен, что подтверждается не только сообщениями Таншу, но и археологическими обследованиями его развалин⁷.

После этого разгрома значительная часть уйгуров (пятнадцать аймаков), во главе с министром Пандэлэ, переселилась в Восточный Туркестан, где они создали новое уйгурское Турфанское княжество⁸. Уже в 847 г. Пандэлэ объявил себя хаканом и получил признание Китая вместе с почетным титулом⁹. На территории этой своей новой родины уйгурский народ живет и в настоящее время.

Но хотя большая часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан, а также, частично, в Среднюю Азию, многие уйгуры не только остались в Центральной Азии, но даже продолжали борьбу с хакасами и в марте 841 г. избрали нового кагана Угйе. Каган Угйе, будучи оттеснен хакасами на юг, напал на пограничные крепости и округа Китая, грабил города и деревни. В результате в войну с уйгурами вступили и китайские войска, которые разгромили уйгуров, взяли в плен несколько десятков тысяч их воинов и в августе 846 г. убили Угйе. Но на месте Угйе остался его брат Энянь, который продолжал борьбу. При Эняне часть уйгуров перешла под власть Китая, а остальные ушли на территорию современной Внутренней Монголии к жившим там племенам Хи и Шивэй.

В 847 г. китайцы разбили хисцов, а хакаские войска, во главе с министром Або, в количестве 70 000 всадников напали на Шивэй и увели в плен оставшихся уйгуров. При этом последний каган Энянь бежал в Восточный Туркестан¹⁰.

Так закончилась борьба с уйгурами. Следует, однако, заметить, что хотя государство уйгуров на территории современной

⁷ С. В. Киселев. Древние города Монголии Советская археология, 1957, № 2, стр. 93 — 95.

⁸ А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа, т. IV, Л., 1947.

⁹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 334 и 337 — 338.

¹⁰ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 334 — 337.

Монголии погибло в 840 г., а к 847 г. были разбиты все боеспособные группы уйгуров в пограничных районах, хотя большая часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан (современный Синьцзян) — все же значительное количество уйгуров продолжало проживать в восточных районах Центральной Азии в X—XII вв., где они имели свои города, в которых уйгуры составляли большинство населения¹¹.

Следует заметить, что хакасы, очевидно, вовсе не стремились изгнать всех уйгуров, захватить всю Центральную Азию и сделать ее центром своего нового государства, как это делали до них алтайские тюрки и уйгуры. Это видно хотя бы из того, что уже после взятия уйгурского Орду-балыка, хакасский каган не перенес свою ставку на р. Орхон, где всегда размещались административные центры сменявших друг друга хозяев Центральной Азии. Его ставка разместилась в 840 г. по южную сторону хребта Танну-ола, вероятно, на Тес-Хеме близ озера Убсанур.

Таким образом, хакасам прежде всего важно было освободить от уйгуров территорию современной Тувы и разгромить уйгурскую мощь, чтобы ликвидировать с их стороны возможность нового завоевания, а также важно было восстановить после длительного перерыва прямые связи с Китаем. Эти цели были достигнуты, как показано выше, к 847 г.

В 843 г. в китайскую столицу прибыл первый хакасский посланник Чжуву, который был радостно и торжественно принят императором Ву-цзюком. К хакасам было отправлено ответное посольство, причем китайский посланник привез кагану признание и грамоту, которой император Китая дал ему титул Чен-мин хана. Этот хан Чен-мин, настоящее имя которого осталось неизвестным, был искусным полководцем и в длительной борьбе с уйгурами всегда принимал личное участие в сражениях. Но, кроме того, он был и мудрым политиком, ибо, в отличие от тюрков и уйгуров, он с самого начала постарался установить дружественные отношения с Китаем. После его смерти в 847 г. ту же политику проводил его преемник Ин-ву хан. В отличие от тюрков и уйгуров хакасы никогда не нападали на провинции Китая, всегда находились в дружественных связях с Тибетом, карлуками Семиречья и арабами Средней Азии. Они только лишь обменивались посольствами и вели торговлю со всеми этими странами. Они не стремились даже иметь общие границы с Китаем. В их государство в IX—X вв. входили лишь территории Хакасско-Минусинской котловины, Алтая, Тувы и Северо-западной Монголии. В районах современной Центральной и Восточной Монголии продолжали жить уйгуры и другие племена, которые только в 840—860 гг. были подведомственны уп-

¹¹ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. Советская археология, 1959, № 3.

равлению хакасской администрации, а затем, очевидно, по мирному договору, были предоставлены самим себе.

О том, что в первое время там были чиновники-администраторы, говорит единственная хакасская надгробная надпись, найденная в верховьях реки Селенги, т. е. на древней родине уйгуров. Это надпись кыргызского судьи Бойла, подчинявшегося наместнику Бага-тархану¹². Интересно, что этот старик судья обязан был, видимо, контролировать земли уйгурского каганского рода Яглакар, за населением которых, естественно, нужен был особый присмотр¹³.

Экспансия хакасов в конце IX века, по данным мусульманских авторов¹⁴, была направлена лишь в одном направлении — на Восточный Туркестан. В этот период времени хакасы захватили часть Джунгарии, город Пенчул (современный Учтурфан) и доходили до Кашгара. Этим они преследовали одну цель: не дать возможности укрепиться в этом районе их старым врагам — уйгурам, которые могли бы отрезать хакасов от Средней Азии и тем самым прервать их давние дружественные торговые связи с этой страной, как это было в VIII—IX вв., когда уйгуры отрезали хакасов не только от Средней Азии и Тибета, но и от Китая.

Восточнотуркестанский поход был кратковременным и к началу X в. хакасы вернулись на территорию Северо-западной Монголии и Тувы. Такой ход событий подтверждается сообщениями китайских источников о дальнейших судьбах Центральной Азии.

В начале X в. в Северном Китае возникло государство монголоязычных племен киданей, которое в китайской истории известно под именем династии Ляо (916—1125 гг.). Первый император киданей Амбагянь (храмовое имя: Тай-цзу) в 924 г., расширяя границы своего государства, вторгся с большим войском на территорию современной Монголии, где он уже не встретил хакасов. Китайские источники указывают, что он «вступил в область уйгуров» и это подтверждает: во-первых, факт добровольного ухода хакасов из центральных районов Монголии в конце IX в. и, во-вторых, предоставление хакасами, оставшимися в этой части страны, уйгурам и другим местным племенам самостоятельности.¹⁵

В 924 г. Амбагянь посетил развалины бывшей уйгурской столицы Орду-балыка и приказал стереть надпись на памятнике уйгурского Бильгя-кагана (до него это не сделали даже хакасы) и высечь на этой плите описание своих подвигов. В том же году киданьские войска перешли пустыню Гоби и захвати-

¹² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952, стр. 85.

¹³ Ю. А. Зуев. Указ. соч.

¹⁴ В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 16 — 26.

¹⁵ В. П. Васильев. Указ. соч., стр. 28 и 29, примечание 1; ср. его же. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. Труды Восточного отделения Археологического общества, ч. IV, Спб., 1859.

ли несколько городов Восточного Туркестана, при этом жившие там уйгуры принуждены были временно покориться.

Никакие источники не сообщают о завоевании киданями не только территорий Тувы и Алтая, но даже Северо-западной Монголии, однако, к 924 г. хакасы, видимо, ушли из Северо-западной Монголии в Туву, которая продолжала прочно входить в состав их государства до XII в.

В одном персидском сочинении, написанном в 983 г., указывается, что каган кыргызов жил в начале X века уже не к югу от Танну-ола, а в городе Кемиджет (город на р. Кем)¹⁶, т. е., очевидно, в одном из бывших уйгурских городов-крепостей на Улуг-Хеме в Туве.

Хакасы не только не сталкивались с киданями в начале X в., но, наоборот, и с ними завязали настолько дружественные отношения, что некоторые из них ездили в государство Ляо для того, чтобы получить образование. Так, в китайских источниках под 931 г. сказано, что «юго-западная граница (государства киданей) руководила приходом стремившихся к просвещению людей государства Хягасы», а в 952 и 976 годах хакасы присылали в Ляо свои посольства с подарками¹⁷, очевидно, стремясь завязать торговые отношения.

О том, что хакасы в XI и начале XII века продолжали удерживать Туву в своей власти, можно заключить из двух известных нам фактов. Это, во-первых, восходящее к XI в. сообщение монгольского эпоса о родоначальнике племени мангутов хане Начине, жившем на р. Орхон, при характеристике земель которого говорится: «Соседним государством Начина является государство кергисов»¹⁸. Во-вторых, необходимо учесть сведения персидского историка Джувейни (XIII в.) о том, что когда уходившие в Среднюю Азию после шестилетнего пребывания (1124—1130) в Монголии кидани, во главе с Елюй-даши, «юдошли к границе киргиз, они нападали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (киргизы) также оказывали им противодействие. Оттуда они тоже двинулись, пока не достигли Имиля».

Эти события, естественно, не могли бы произойти, если бы кыргызы в то время жили уже только в Минусинской котловине. Ясно, что здесь речь идет о столкновениях киданей с кыргызами на южных границах Тувы, после чего основные силы киданей ушли на р. Имиль в район современного города Чугучака в Джунгарии.¹⁹

¹⁶ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 21.

¹⁷ Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э. Записки ХакНИИЧЛИ, вып. II, Абакан, 1951, стр. 12.

¹⁸ Ц. Дамдинсурэн. Исторические корни Гэсэрпады. М., 1957, стр. 62 и 70.

¹⁹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 27; ср. о том же кратко у Рашид-ад-Дина. Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М.-Л., 1952, стр. 78 — 79.

Таким образом, хотя письменные источники этого периода очень отрывочны, они все же позволяют заключить, что Тува, после ликвидации власти уйгуров, в IX—XII вв. входила в древнехакасское государство. Это несравненно лучше документировано археологическими материалами.

Археологические исследования на территории Тувы выявили две основные группы памятников IX—XII вв. Это преимущественно погребения под округлыми каменными курганами. Одни из них, совершенные по обряду труположения, принадлежат группе местных племен, другие—пришедшим сюда около 840 г. древним хакасам.

Хакасские погребения резко отличаются от всех других типов погребений, существовавших в Туве в предшествующие периоды VI—IX вв.

Вместе с хакасами в Туве появился несвойственный этой стране прежде, но этнически присущий хакасам (первоначально кыргызам), обряд сжигания трупов и захоронения в могилы кучек пережженных косточек человека, собранных на месте погребальных кострищ. Такой обычай захоронения у хакасов VI—XI вв. отмечают все писавшие о них в это время многочисленные западные и восточные авторы. Их сообщения подтвердились и археологическими раскопками на территории родины хакасов в Хакасско-Минусинской котловине, где начиная с прихода туда кыргызов во II в. до н. э., появляется обряд трупосожжений, который становится, затем, постоянно преобладающим.

Совершенно такие же погребения хакасов IX—XII вв., которые теперь открыты и в Туве, имеются повсюду в Хакасско-Минусинской котловине, а также на Алтае, который в тот период времени тоже входил в древнехакасское государство.

В настоящее время погребения этого типа раскопаны в центральных районах Тувы (в долинах рек Уюка, Бий-Хема, Бегре, Улуг-Хема, Элегеста и Мажалыка), а также в Сут-Хольском районе.

Следует подчеркнуть, что среди древнехакасских курганов Тувы встречены как погребения очень богатые по инвентарю, так и очень бедные, что является свидетельством значительной социальной дифференциации общества.

Однако всем им характерны этнически присущий древним хакасам погребальный обряд и специфические формы предметов материальной культуры, резко отличные, например, от предметов тюркских или уйгурских.

Чрезвычайно важным обстоятельством является тот факт, что у восьми раскопанных в Туве древнехакасских курганов с восточной или юго-восточной стороны их насыпей стояли каменные стелы с тюркоязычными надписями на енисейском варианте алфавита древнетюркской письменности. Раскопки этих курганов с очевидностью показали, что все эти надгробные

эпитафии являются хакасскими, причем шесть из них относятся к периоду IX—X вв. и две датируются XI веком.

Памятники местных племен, относящиеся к IX—XI вв., как уже говорилось, значительно отличаются от кыргызских другим устройством могил, другим погребальным обрядом, а также инвентарем. Под насыпями, под деревянными покрытиями. открываются прямоугольные ямы с индивидуальными захоронениями, причем останки погребенных всегда лежат головой на юго-запад. 80% скелетов, по старой местной традиции, лежат на правом боку вытянуто или, чаще всего, скорченно. Остальные 20% — вытянуто на спине.

Таким образом, эта группа захоронений тесно связывается характером погребальных обычаев с теми памятниками местных племен, которые оставили чики в предшествующее уйгурское время (VIII—IX вв.). Хотя в письменных источниках этноним чик в последний раз упомянут в памятнике Моюн-чуру, поставленном в 758 г.²⁰, и местные племена Тувы в IX—XI вв. могли уже называться по иному, скорее всего по имени своих родов (сеоков), но, в то же время, этноним чик мог продолжать сохраняться, хотя бы в имени одного рода.²¹

К IX веку в хакасском государстве сложились феодальные отношения, которые были осложнены патриархально-родовыми пережитками. После освобождения Тувы от уйгуров, кыргызская феодальная верхушка древнехакасского государства управляла населением этой земли, по-видимому, уже на началах кыштымства, т. е. подобно известным отношениям кыргызских феодалов и зависимых от них кыштымов в более позднее время, в XVII в.²²

Это, очевидно, позволяет установить некоторые данные как древнекыргызских надписей Тувы, так и другие скудные сообщения письменных источников. Так, например, сказано: «Слушайте, все люди, посла из Кара сэнгир. Ради моей геройской доблести я, Ынанчу именитый чигши, начальник в «Черном хребте», я великий у народа шести подразделений в Кешдима»²³. Из этого текста видно, что Кешдим здесь понимается как территория (местность)²⁴, в которой жил народ «шести подразделений (багов)», а «великим начальником» над ним

²⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

²¹ Ср. мнение тюрколога Н. А. Баскакова (Алтайский язык. М., 1958. стр. 28) о том, что этноним чик сохранился до современности в названии сеока чыгат у алтайских тубинцев. То же, вероятно, можно сказать о сеоке чигандык у алтай-кижи.

²² С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в. в кн. С. В. Бахрушин. Научные труды. т. III, ч. 2, М., 1955; ср. Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII — XIX вв.), Абакан, 1952.

²³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 45.

²⁴ Ср. «кыштымские волости» XVII в.

был поставленный «через написанное кыргызским ханом» Ынанчу чигши бег.

Другие народы, услышав от кыргызов про кыштымов, полагают ошибочно, что это название особого народа. Впервые кыргызские кыштымы Тувы IX—X вв. упомянуты в анонимном сочинении конца X в. «Границы мира» (на персидском языке). Там в разделе о стране кыргызов говорится, что имеется род кыргызов по имени «кесим», который устанавливает свои войлочные юрты по склонам гор. Люди «кесим» добывают пушнину, мускус, рог «хуту» (ископаемые бивни мамонта) и тому подобное. Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков.²⁵

Из этого текста становится ясным, что здесь речь идет о некоторой части местных тюркоязычных племен Тувы, которые в IX—X вв. стали кыштымами кыргызов — зависимыми от них охотниками, поставлявшими важные для экспорта древних хакасов того времени товары: меха ценных пушных зверей, мускус кабарги и бивни мамонтов, которые и теперь часто находят в Тодже и Каа-Хеме. Этим же занимались в основном кыштымы кыргызов и позднее, в XVII веке.

Сопоставление, в целом одновременных, текстов приводит к выводу, что Кешдим из надписи на скале Хая-Бажы (кстати, термин более не встречающийся в других орхоно-енисейских надписях) означает не что иное, как «страна (или земля) кыштымов», которых хакасы в IX—X вв., видимо, называли кешдим (в персидском тексте «кесим»)²⁶.

Земли степных районов Тувы были разделены кыргызскими феодалами на шесть багов, т. е. на шесть крупных феодальных владений (уделов)²⁷. Каждый баг был передан кыргызским каганом в качестве феодального надела во владение семье одного из кыргызских военачальников—бегов, очевидно, из числа наиболее отличившихся в многолетней войне с уйгурами.

Владение всем багом было наследственным и передавалось от отца к старшему сыну, причем какие-то части багов выделялись и для младших братьев. Стоявшие во главе бага крупные феодалы имели различные титулы, определявшие их долж-

²⁵ V. Minorsky. *Hudud 'al-'Ālam. „The regions of the World“*. London, 1937, стр. 97.

²⁶ Ср. позднее в XIII — XIV вв.: а) у Рашид-ад-Дина: «кесутами» — «куштеми» (по Березину «кестеми») — лесное племя обитавшее по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов». (Сборник летописей, т. I, кн. I, М.-Л., 1952, стр. 77, 122 и 123); б) в монгольской хронике 1240 г. (С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941, стр. 175) — «кесдинн»; в) в китайской биографии Чингиз-хана XIV в. — «кэшидими» (Восточный сборник, т. I, Спб., 1877, стр. 191). Наконец, «кыштым» сохранилось у хакасов (койбалов) и у алтайцев в качестве подразделений-сеоков.

²⁷ Шесть багов встречается только в кыргызских надписях Тувы — С. Г. Малов, Енисейская письменность тюрков, надписи №№ 1, 5, 24, 49.

ностным положением в системе каганата. В своем управлении багом они опирались на своих сородичей из хакасов, мужское население которых составляло военную дружину каждого из таких феодалов (в надписях: кадаш, алып, эр—товарищ, приятель, герой, муж и т. д.). Однако верной опорой хакасских феодалов была также феодальная знать местных племен (в надписях: эш—товарищ, приятель, друг)²⁸. Прочее население бага состояло из ряда категорий феодально-зависимых людей и кыштымов (хакасов и местных жителей) и называлось в надписях просто народ или «черный народ» (кара будун).

Все шесть багов степной части, а также, очевидно, кыштымы горно-таежных районов, были объединены и названы в надписях IX—X вв. «народом шести багов», который и заселял в то время всю Туву. В военно-административном отношении все население Тувы было подчинено назначенному хакасским каганом владельцу одного из багов. Такие наместники каганов менялись. Сейчас, по сохранившимся надписям того времени, известны только два таких наместника. Наиболее ранним из них (середина IX в.) был Ынанчу чигши-бег, от имени которого в надписи Хая-Бажы сказано: «я великий у народа шести подразделений (багов) в Кешдиме». Наместником был и Эль Туган тутук, в эпитафии которого говорится: «я был князем шестисоставному народу (народу шести багов)»²⁹. Важно, что только в этих двух текстах сказано, что эти люди были «эльчи» т. е., очевидно, наместниками.

Все эти заключения о структуре и организации населения Тувы, в период ее вхождения в феодальное государство древних хакасов, оказалось возможным сделать лишь в результате: 1) новой датировки значительного количества древних тюркоязычных надписей Тувы периодом IX—XII вв.; 2) внимательного изучения территории распространения каменных стел с надписями в соответствии с имеющимися на них тамгообразными родовыми знаками (рис. 4); 3) в результате анализа содержания надписей.

В настоящее время, на основании распространения родовых знаков, оказывается возможным даже установить с приближенной точностью территории отдельных феодальных владений—багов. Первый баг (считая с запада на восток) занимал все левобережье Хемчика до водораздела Западного Саяна;

²⁸ Термин «эш» встречается только в хакасских надписях Тувы, а в надписях Хакасии его нет. Он является безусловно местным и известен еще на местных памятниках уйгурского периода (Уюк-Аржан и № 51). «Эш» в том же значении (товарищ) сохранился в современном тувинском языке и отсутствует в современном хакасском. Безусловно «эш» в хакасских надписях IX—X вв. применялся по отношению к местной знати, входившей в баг — ср. «баг эшимэ» в надписи № 42.

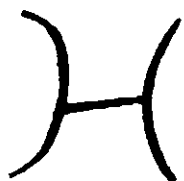
²⁹ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 11.

1

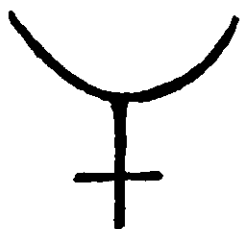
2

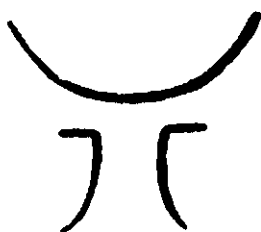
3

4

5

6

Рис. 4. Основные типы тамг на памятниках енисейской письменности.

второй — междуречье Хемчика и его притока р. Чадана; третий—располагался от реки Чадана по правобережью Хемчика до Чаа-холя; четвертый—имел центром долину р. Чаа-холь, занимая пространство от верховьев р. Чадана до рек Торгалыка и Улуг-Хема; пятый—центральный и самый большой—занимал все правобережье Улуг-Хема, до Бий-Хема, переходил на левый берег между реками Торгалык и Элегест и распространялся, затем, к югу на теперешний Овюр; шестой—охватывал земли от Элегеста на восток до рек Бурени и Каа-Хема и, возможно, на юг заходил в Тес-Хем.

Территории багов не оставались неизменными с течением времени. Есть основание считать, что третий баг сравнительно скоро был поглощен четвертым, а пятый разделился на два (с границей по Улуг-Хему) и, таким образом, общее число их оставалось неизменным.

Таким образом, основой феодальных отношений в Туве в IX—XII вв. была феодальная собственность на землю, как на главное средство производства.

Наряду со сложившимися феодальными отношениями, в государстве древних хакасов в IX—XII вв. еще продолжал сохраняться, но уже в меньшей степени чем в VI—VIII вв., рабовладельческий уклад. Как известно, история китайской династии Тан, по-видимому, для периода VII—VIII вв. сообщает, что хакасы, совершая набеги на племена горно-таежной зоны, жившие по отрогам Восточного Саяна (в том числе и на дубо), «ловят их и употребляют в работу»³⁰. К тому же, очевидно, времени относится и упоминание рабов в одной из древнехакасских надписей³¹.

Что касается письменных источников IX—XII вв., то в них прямых указаний о рабстве мы не находим, но это, конечно, не значит, что рабов уже не было. Рабы, ряды которых пополнились за счет военнопленных, конечно, были. Следует учесть, что это была эпоха продолжительных войн и широчайшей экспансии хакасов вплоть до Северного Китая и Восточного Туркестана. Косвенные указания о рабах содержатся в двух надписях IX—X вв., найденных на Улуг-Хеме в местности Кызыл-Чираа³². В них упоминается «мой раб герой» (Кулум-алп или Алп-кулум). Однако следует предупредить, что понимать это как указание о простых рабах невозможно. «Рабами-героями» у древних хакасов называли людей свободных, привилегированных и даже знатных. Это люди, которые, несмотря на свое рабское происхождение, получили свободу и привилегии за личные

³⁰ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 354.

³¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 62.

³² С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 78 — 80. См. исправления в новой книге С. Е. Малова. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1939, стр. 68 — 70.

заслуги. «Рабы-герои»—это социальная категория, подобная древнемонгольским «онгу-боголам»³³.

При этом наличие такой категории лиц позволяет заключить, что существовали и простые рабы.

Основой хозяйственной деятельности населения древнехакасского государства всегда было занятие земледелием и скотоводством. Земледелие у хакасов было чрезвычайно высоко развито, чем они в средневековье выделялись среди других народов Центральной Азии и Сибири. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Таншу сообщает, что хакасы «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши»³⁴. Арабский автор начала X в. Абу-Дулеф добавляет, что они наряду с этим, питались и рисом (очевидно, привозным). Археологические материалы VI—X вв. из Хакасско-Минусинской котловины значительно дополняют письменные известия³⁵. Выяснилось, что земледелие древних хакасов было плужным, с применением не только сох и деревянных плугов с железными сошниками, но и (уже с VI в.) привозных сложных китайских плугов с чугунными отвалами. Засушливые участки степей орошались путем создания сложных ирригационных систем. Для уборки урожая применяли железные серпы. Крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили оседло, целыми поселками. Таншу сообщает, что они «живут в избах, покрытых древесною корою». Земледельцы занимались также скотоводством. Их скотоводство было пастушеским, причем применялось уже стойловое содержание скота, так как на зиму заготавливалось сено. Траву косили косами-горбушами.

Из китайских хроник известно, что хакасы разводили овец, коров, лошадей и верблюдов, причем лошади были плотными и рослыми. Особенно много разводилось овец. Таншу сообщает, что «богатые землепашцы водят их по несколько тысяч⁴ голов»³⁶. Отсюда видно, что наиболее богатыми были владельцы крупных земельных участков — феодалы, в зависимости от которых находились крестьяне-земледельцы.

Феодальная верхушка, опираясь на власть над землей, обеспечив себе приток сельскохозяйственных продуктов за счет эксплуатации труда закрепощенных крестьян и рабов, вела полукочевой образ жизни, кочуя со стадами по лучшим пастбищам своих земель, живя летом аалами в войлочных юртах. Для ухода за скотом применялся труд зависимых скотоводов-кыштымов, а также рабов.

³³ Э. Р. Рыгдылон. О монгольском термине «онгу-богол». Сб. «Филология» и история монгольских народов». М., 1958.

³⁴ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 351.

³⁵ С. В. Кислев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

³⁶ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 351—353.

Вся эта устойчивая система хозяйства средневековых хакасов в IX—XII вв. была распространена и на Туву. Именно к этому периоду относится значительное количество известных на этой территории древних оросительных каналов, сеть которых особенно выросла после IX века. В надгробных надписях IX—X вв. встречается слово «тарлаг»³⁷, которое и тогда, и в современном хакасском языке означает «пашня». Археологически земледельческие орудия этого периода в Туве выявлены еще далеко недостаточно, но они еще будут открыты. Однако здесь уже найдены косы-горбуши, совершенно такие же (со втулкой), как и в Хакасии³⁸. В Туве, наряду с характерными для тюрков топорами-теслами, появились настоящие проушные топоры, гораздо более удобные для сооружения срубов жилых домов. Для этой же цели применялись и долота.

Несомненно, какая-то часть втульчатых лемехов китайских плугов, в довольно большом количестве найденных случайно на территории Тувы, относится к этому же периоду.

Земледельческая традиция, существовавшая и у местных племен Тувы на протяжении веков, получила в этот период значительное дальнейшее развитие, не сравнимое по интенсивности со всей предшествующей их историей. Однако всегда имелось очень много полупустынных и гористых земель, не пригодных для земледелия, но зато являющихся хорошими пастбищами. Это обусловило наличие части населения, занятой только экстенсивным кочевым скотоводством и являющейся основным поставщиком продуктов скотоводства.

Жившие в горно-таежной зоне кыштымы, как уже говорилось, занимались преимущественно охотой, рыболовством и сбором съедобных корений. В качестве домашнего скота они разводили оленей, используя их для переездов верхом и для транспортировки грузов.

Хозяйство, в основном, было натуральным и в нем большую роль играло домашнее производство почти всех необходимых в обиходе предметов. Однако в связи с многочисленными материалами, добытыми путем археологических раскопок, можно утверждать, что не менее значительной отраслью хозяйства, чем земледелие и скотоводство, были различные ремесла.³⁹

Как известно, местные племена, начиная с эпохи бронзы, постоянно развивали и совершенствовали горные промыслы. В это время горное дело, которым занимались специализированные группы людей, было особенно сильно развито. Специалисты по поискам находили месторождения необходимых руд, рудокопы добывали железную и медную руды и оловосодержа-

³⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 34 и ср. стр. 95 и 110.

³⁸ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. 43, рис. 5.

³⁹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 573 — 590.

щие минералы (касситерит), наконец, металлурги выплавляли металлы в особых плавильных горнах. -

Любопытно, что в одной из надписей этого времени с правого берега Улуг-Хема, кажется (по переводу С. Е. Малова), упоминаются шахты⁴⁰. Таншу в рассказе о хакасах указывает, что у них «есть золото, железо, олово. В каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша. Делают оружие крайне острое»⁴¹.

Археологические исследования позволяют установить, что в этот период времени, наряду с получением железа, меди, золота и серебра, особенно сильно выросла добыча олова. Оно стало настолько распространенным и обычным металлом, что из чистого олова отливали уже сосуды, различные украшения поясов и сережек, кольца и т. д. Поскольку все эти предметы обнаружены в погребениях местных племен Тувы, то, вероятно, именно они специализировались на добыче и выплавке олова, причем достигли в этом крупных успехов.

Нет необходимости перечислять, что изготовляли специалисты-кузнецы. Они выдвигали все, начиная от земледельческих, деревообрабатывающих и иных специализированных орудий, вплоть до мельчайших принадлежностей конского снаряжения. Особенно славились (вплоть до Китая) хакасские оружейники, выковывавшие длинные мечи и кинжалы, прочные пластинчатые панцири и шлемы, разнообразные наконечники стрел и копий. Острые концы и лезвия различного оружия имели стальную наварку. Кузнецы освоили не только плющение серебра и золота, но и технику тончайших инкрустаций этими металлами железных изделий, в особенности богатой конской сбруи. Литейщики, которые были и ювелирами, создавали различные предметы из меди, бронзы, различных сплавов и драгоценных металлов. Многие предметы покрывались искусным и излюбленным народным орнаментом. Гончары, наряду с хозяйственной посудой, формованной от руки, создавали стройные, высокие вазы, выполненные на гончарном круге, схожие по формам с уйгурскими VIII—IX вв., но «появившиеся у хакасов еще в VI веке.

Работали, кроме того, строители, шорники, художники-резчики по камню, кости и дереву, каменотесы и особая категория грамотных резчиков надписей на енисейском алфавите. Их нелегкий труд был почетен. На уже упоминавшейся надписи утеса Хая-Бажы сохранилось даже имя вырезавшего ее мастера: «писавший это был Ангин».

Как известно из письменных источников, хакасы вели оживленную торговлю не только со своими ближайшими соседями, но и со Средней Азией, Восточным Туркестаном и Китаем, до границ которых их войска доходили во второй поло-

⁴⁰ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 83.

⁴¹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 352.

вине IX века. Таншу сообщает, что их «женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Ань-си (Куча в Восточном Туркестане), Бэйтин (город Бешбалык в Восточном Туркестане) и Дахя (современный Афганистан)». Далее говорится, что к хакасам «из Даши (арабы или таджики Средней Азии) не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года»⁴².

В обмен на получаемые предметы роскоши «кыргызы», по данным авторов IX—X вв., писавших на арабском и персидском языках, продавали на запад меха соболей, кунниц, серых белок, древесину дерева «хаданг» (ср. тувинское «хадынъ» — береза) и другого дерева, называвшегося «халани», а также рог «хуту» (ископаемые бивни мамонта) или же ручки ножей, сделанные из рога «хуту»⁴³.

Выше уже говорилось, что именно эти, дефицитные в южных странах, товары добывали кыштымы.

Государство имело в это время значительный торговый и культурный обмен с Китаем. О торговле свидетельствуют многие находки предметов китайского происхождения, обнаруженные в Хакасско-Минусинской котловине, и, отчасти, в Туве (китайские плуги, зеркала, шелка, изделия из лака, монеты и т. д.). По подсчетам всех найденных в Хакасско-Минусинской котловине китайских монет выяснилось, что больше всего их поступало в период IX—XI вв.⁴⁴. В это время они находились в обращении на всей территории хакасского государства, так как своих монет не выпускалось. Подтверждением тому является одна из китайских монет Минусинского музея выпуска 841 г., на которой вырезана дополнительная надпись: «чиким акча», т. е. «расходная монета»⁴⁵. Немногочисленные пока находки китайских монет в Туве также свидетельствуют, что время IX—начала XII века было периодом наибольшего проникновения монет из Китая в Туву (не считая XVIII—XIX вв.). При этом, даже после образования в Северном Китае и в Монголии киданьского государства Ляо (916—1125 гг.), в Туву продолжали поступать монеты из собственно Китая периода династии Сун (960—1126 гг.), выпускавшиеся в конце XI и начале XII в.⁴⁶

⁴² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 352 и 355.

⁴³ V. Minorisky. *Hudud al-'Alam*, стр. 96; ср. В. В. Бартольд. Киргизы Фрунзе, 1927, стр. 21—23.

⁴⁴ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 591 — 593.

⁴⁵ Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок городища АҚ-Бешим. Ученые записки Ин-та Востоковедения, т. XVI, М.-Л., 1958, стр. 532.

⁴⁶ Найденны монеты: Синин чжунбао (1068 — 1077 гг.), Юаньфэн тунбао (1078 — 1085 гг.) и Чуннин тунбао (1102 — 1107 гг.). К IX — X вв. относятся частые находки монет Кай-юань тунбао.

В религиозном отношении древние хакасы были шаманистами. К середине IX века часть знати, в результате уйгурского влияния и воздействия манихейского населения, приняла манихейство. Это видно из текста единственной на территории Монголии хакасской надписи судьи Бойла, о которой уже говорилось выше⁴⁷. В ней упоминается наставник судьи, для обозначения которого употреблен не тюркский, а сирийский термин «мар». Так называли своих проповедников и вероучителей последователи манихейской религии, из чего можно заключить, что этот вельможа исповедовал манихейство. Ко второй половине IX в. относятся и сведения арабского географа Абу-Дулефа, писавшего в начале X в. Его сообщение о религии хакасов подтверждает их приверженность к манихейству в этот период времени. Он пишет: «Есть у них храм для богомоления и тростник, которым пишут. Народ разсудительный и осмрительный. Зажегши светильник не гасят его, пока не погаснет сам собой. В молитвах употребляют особую, мерную речь... В год имеют три праздника. Знамена их зеленого цвета. Молясь, обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марса считают дурным предзнаменованием»⁴⁸.

Наличие храма, священного огня, горевшего во время ночных молений, особой «мерной» речи, обращение во время молитвы к югу—все это говорит о манихействе, а не о какой-либо религии или, тем более, о шаманизме⁴⁹. Чрезвычайно важно указание, что они «поклоняются планетам», так как именно манихейству присущ был астральный культ семи планет — божеств, которые предводительствовали семью днями недели.

Таким образом, не остается сомнения в манихействе части населения.

Однако манихейство не пустило глубоких корней ни в Хакасско-Минусинской котловине, ни в Туве. Преобладающая часть простых людей по-прежнему оставалась верной шаманизму и постепенно уже, видимо, к середине X века манихейские проповедники в бассейне Верхнего Енисея окончательно уступают место шаманам.

Такой вывод можно сделать на основании анализа последующих источников и в первую очередь труда персидского географа Гардизи «Украшение известий». Эта книга была написана в середине XI века, но сообщаемые в ней сведения относятся преимущественно ко второй половине X в. Вот как, в отличие от писавшего на полтора века ранее Абу-Дулефа, описывает Гардизи верования хакасов: «Некоторые из них поклоняются корове, другие—ветру, третьи—ежу, четвертые—

⁴⁷ С. Е. Малоа. Енисейская письменность тюрков, стр. 84.

⁴⁸ В. Григорьев. Об арабском путешественнике Абу-Дулефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872.

⁴⁹ Буддисты во время молений в храмах обращались лицом на восток, а христиане-несториане на запад.

сороке, пятые—соколу, шестые—красивым деревьям. Среди них есть люди, которых называют фагинунами; каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествиях врагов. Все он предсказывает и большею частью бывает так, как он сказал»⁵⁰.

Из этого сообщения становится ясным, что хакасы во второй половине X в. уже вновь были шаманистами, имели шаманов-прорицателей, поклонялись силам природы, что находит выражение в культе орла или культе дерева, которые широко были распространены у народов Сибири еще в недавнем их прошлом.

Данные Гардизи точно подтверждаются арабским автором начала XII в. Тахиром Марвази, который так же пишет о хакасских шаманах-фагинунах и об их предсказаниях⁵¹.

Здесь следует заметить, что, очевидно, к середине X в. ставка хакасского кагана была уже перенесена из Тувы в северную часть современной Хакасии, видимо, на Июсы. Такой вывод можно сделать на основании приведенного в книге Гардизи интересного описания пути торговых караванов из Восточного Туркестана в ставку кагана хакасов. В этом описании упоминается и Тува, через которую проходили торговые пути того времени. Здесь говорится, что после перехода через пустыню и горы доходят «до горы, которую называют Манбек-Лу (возможно, искаженное Монгун-ола, т. е., в широком понимании, Танну-Ола); гора высока; на ней много соболей, белок и доставляющих мускус антилоп (т. е. кабарги), много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена». Последующий отрывок тоже относится к описанию Тувы: «После Манбек-Лу приходят к Көгмену (Саянам)⁵²; по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой местности до горы Көгмен⁵³. Гора высока; на ней много деревьев; дорога уз-

⁵⁰ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. Спб., 1897, стр. 111.

⁵¹ V. Minorsky. Sharaf al-Zamān Tahīr Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942.

⁵² Так назывались Саяны и в древнетюркских надписях VIII в. Ср. памятник Кюль-тегина в книге С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.

⁵³ Следует учесть, что это путь верблюжьего каравана с остановками для выпаса скота, отчего и акцентируется внимание на пастбищах и хороших источниках. По упоминанию Манбек-лу (Монгун-Ола) можно полагать, что Танну-Ола караваны проходили через перевал Хундургун, т. е. у современного поселка Хандагайты. От Хандагайты (по рекам Чадану, Ак-Сугу и далее по Арбатской тропе) до перевала через Саянский хребет расстояние около 200 км. Из этого можно заключить, что проходили в среднем 50 км в день.

ка». Далее, после перехода Саянских гор, говорится уже о Хакасии: «От Кюгмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране»⁵⁴.

Приведенные выше данные в целом достаточно хорошо свидетельствуют о высоком культурном развитии населения древнехакасского государства в период IX—XII вв.⁵⁵. Высшим достижением этой культуры было широкое распространение письменности. Об этом прежде всего свидетельствует следующий очевидный факт. Из сорока двух учтенных на территории Тувы памятников древнетюркской письменности: два — относятся к уйгурскому периоду, пять — не могут быть пока датированы, а остальные — тридцать пять надписей появились здесь в IX—XII вв.

Такое обилие памятников письменности, которые, конечно, далеко не все сохранились, а также содержание надписей — все это свидетельствует о широко распространенной грамотности не только среди знати, но, очевидно, и среди простого народа. В этом отношении характерно обращение в надписи Хая-Бажы: «Слушайте, все люди, посла из Кара сэнгир», которое явно было рассчитано на чтение этой надписи многими людьми. О распространении грамотности говорят и надписи, обычно указывающие на имя владельца, написанные на простых предметах: обломках китайских зеркал, на пряслицах и, наконец, упоминавшаяся выше хакасская «надчеканка» на китайской монете. Все это заставляет предполагать уже наличие каких-то школ и, во всяком случае, учителей.

Выше говорилось, что знатные хакасы, не удовлетворяясь «домашним образованием» своих детей, посылали в начале X в. молодых людей для продолжения образования далеко за границу в Северный Китай (Ляо), где в те времена существовали уже и академии. Естественно, что в этот период в Хакасии имелись не только люди, знающие китайский и киданьский языки, но и люди, получившие китайское образование.

В этом отношении особо интересна эпитафия с р. Бегре, умершего в возрасте шестидесяти семи лет чиновника Тер-апа, в которой прямо говорится: «в пятнадцать лет я был взят на воспитание к китайцам», и, далее, «в мои пятнадцать лет я по-

⁵⁴ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 110. Из приведенного выше расчета караван за 7 дней должен был пройти 350 км., что как раз соответствует расстоянию от перевала через Саяны в верховьях р. Тебе до слияния Черного и Белого Июсов.

⁵⁵ Подробнее смотри у С. В. Киселева. Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

шел к китайскому императору ради моих способностей»⁵⁶. Отсюда видно, что юноши к пятнадцати годам уже были достаточно грамотны на родном языке и наиболее способные из них посылались для продолжения образования в Китай.

Писали, конечно, преимущественно не на каменных плитах и скалах. На камне вырезались те надписи, которые предназначены были остаться на вечность. Из приведенных выше слов Абу-Дулефа (есть «тростник, которым пишут») видно, что в конце IX в. обычно употреблялись при письме тростниковые перья (а не китайские кисточки), которым можно было писать только жидкими чернилами, очевидно, на коже, вываренной бересте или на бумаге. К сожалению, такого рода «грамот» пока не найдено, но они еще могут быть обнаружены при археологических раскопках⁵⁷.

Исходя из всего вышесказанного необходимо предполагать, что в государстве хакасов была и своя литература, были книги. Некоторые эпитафии на каменных стелах написаны стихами, что позволило лучшему их знатоку тюркологу С. Е. Малову заявить, что «это кладбищенская поэзия»⁵⁸. Должна была быть и переводная литература—ведь для распространения манихейства в тюркоязычной среде народов Саяно-Алтая надо было переводить священные тексты манихеев на тюркские языки.

Письменность в бассейне верхнего течения Енисея (включая Хакасию) существовала, видимо, вплоть до монгольского завоевания, т. е. до самого начала XIII века. Еще недавно считалось, по находке тюркских надписей на китайских монетах выпуска 841 г., что IX век был последним столетием распространения этой письменности. Однако недавние археологические исследования, как уже говорилось, доказали, что преобладающее число известных в Туве памятников письменности относится к IX—X вв., а два из них датируются XI—XII вв. Это подтверждается и другими известными фактами. Так, в начале X века древнетюркская письменность еще настолько широко была распространена в Центральной Азии, что ее знали и использовали для своих целей даже кидани. Об этом сообщается в истории династии Ляо (Ляоши), где сказано, что когда в 924 г. первый император киданей Амбагянь пришел с войсками к развалинам уйгурской столицы Орду-балык на р. Орхоне, он приказал на каменной плите «описать свои подвиги киданьскими, тукюескими (т. е. древнетюркскими) и китайскими письменами»⁵⁹.

И, наконец, древнетюркская надпись обнаружена на хорошо

⁵⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 29 — 33. Эта надпись датируется концом X в.

⁵⁷ В Таджикистане, в замке на горе Муг, в 1934 г. была найдена при раскопках древнетюркская (?) «грамота» на коже (VIII в.), а в Восточном Туркестане — несколько текстов на бумаге.

⁵⁸ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 8.

⁵⁹ В. П. Васильев. Китайские надписи на Орхонских памятниках, стр. 29.

датированной уйгурской рукописи XI—XII вв., найденной в Восточном Туркестане⁶⁰.

Таким образом, есть основание считать, что самобытная письменность на енисейском варианте (алфавите) древнетюркского письма существовала у тюркоязычных народов Саяно-Алтая с VII по XIII в.⁶¹

* * *

Свыше трехсотпятидесяти лет (840—1207 г.) все обитавшие тогда на Саяно-Алтайском нагорье народы (тюркоязычные, самодийские, угро- и кетоязычные) входили в одно централизованное феодальное государство, во главе которого стояли хакасы. Высокий уровень хозяйственной жизни и расцвет культуры, падающие на этот период времени, естественно, не могут связываться только с хакасами — они являлись достижением и достоянием всех этнических групп, проживавших в то время в Саяно-Алтае. Лишь творческими усилиями всех этих групп были накоплены известные культурные ценности. Сами кыргызы представляли собой к тому времени уже смешанную, немногочисленную группу⁶², входившую в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которого она уже ничем не отличалась в этническом и культурном отношении, за исключением сохранения своего древнего племенного имени. И поэтому термин «кыргыз» (в особенности в том понимании, которое в него вкладывали средневековые западноевропейские, персидские и арабские источники) выступает в этот период времени не как этнический, а как политический термин, ибо факт возглавления государства кыргызами приводил к тому, что все разноязычное входившее в него население так же некоторыми средневековыми авторами называлось просто кыргызами.

Все этнические группы, входившие в это государство, являются предками современных хакасов, алтайцев, тувинцев, тофаларов и шорцев. Многие факты, указывающие на связи современных народов Саяно-Алтая в области языка, культуры и, главным образом, в вопросах их происхождения, восходят к этому времени.

За 350 лет пребывания в одном государстве, естественно, некоторые этнические группы, или части их, передвигались из одного района Саяно-Алтайского нагорья в другой, что приводило к их перемешке. Археологами установлено, что в IX—X вв.

⁶⁰ См. А. Н. Бернштам. Руническая надпись в уйгурской рукописи. Записки Института Востоковедения АН СССР, т. VII, М.-Л., 1939.

⁶¹ Оснований для заключения о более раннем появлении здесь письменности пока нет.

⁶² Например, это знали орхонские тюрки — ср. «Мы завели порядок в немногочисленном народе кыргызов» — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, стр. 39.

какая-то часть тюркоязычного населения Тувы и Горного Алтая переселяется в Хакасско-Минусинскую котловину, где появляются несвойственные прежде погребения по древнетюркскому обряду труположения с конем, характерные для Тувы и Алтая еще в VI—VIII вв. В то же время и в Туве и на Алтае появляются древнехакасские погребения по обряду трупосожжения с характерными для них формами вещей. Это же, как говорилось, устанавливают и письменные источники.

Именно передвижениями населения в этот период времени и объясняется в основе своей тот факт, что в составе современных хакасов, алтайцев, тувинцев, шорцев и тофаларов имеется значительное количество одноименных подразделений, так называемых родовых групп или сеоков. Конечно, дальнейшие добрососедские отношения населения Саяно-Алтая способствовали этому и после XIII века, но основные родственные и культурные связи возникли в период мирного сожительства в IX—XII вв.

Так появились, очевидно, общие сеоки современных хакасов и тувинцев: кыргыз, сарыг, иргит, туба и чоода (чооду).

Как видим, даже кыргызы остались в какой-то части затем на территории Тувы и стали постепенно тувинцами и по языку, и по культуре, но сохранили свое самоназвание. С периодом IX—XII вв. в своем происхождении связана, очевидно, та многочисленная группа тувинцев-кыргызов, которая и теперь проживает в центральных районах Тувы. Этот период важен тем, что именно тогда возникли глубокие родственные, культурные и дружественные связи современных народов Саяно-Алтая.